

На правах рукописи

ФАМ МАЙ ФЫОНГ

**НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ В ПРОЗЕ И.А. БУНИНА
В ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

Специальность 10.02.01 - русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ВОРОНЕЖ - 2019

Работа выполнена в
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Панова Марина Владимировна

Официальные оппоненты: **Курносова Ирина Михайловна**
доктор филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина», проректор по
учебно-воспитательной работе

Королькова Мария Денисовна
кандидат филологических наук
ФГБУН «Институт лингвистических
исследований РАН», отдел диалектной
лексикографии и лингвогеографии, младший
научный сотрудник отдела

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина»**

Защита состоится «23» января в 15 часов 30 минут на заседании диссертационного совета Д 212.038.07 в Воронежском государственном университете по адресу: 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 85.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» и на сайте <http://www.science.vsu.ru> (вкладки Наука – Защита диссертаций).

Автореферат разослан «___» ноября 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

И.А. Меркулова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется тем, что наименования одежды в прозаических произведениях И.А. Бунина не становились предметом комплексного, системного анализа в историко-лингвистическом аспекте; не изучались как культурно и исторически маркированная тематическая группа, отражающая социокультурные преобразования и особенности языка писателя.

В нашей работе представлены результаты диахронического исследования ТГ «Одежда», представленной в прозе И.А. Бунина, и анализ языковых средств изобразительности, связанных с наименованиями одежды в его произведениях. Объем данной группы не исчерпывает всей ТГ «Одежда» конца XIX – начала XX вв., но в целом достоверно отражает языковую ситуацию этого периода.

Объектом исследования являются прозаические произведения И.А. Бунина, входящие в собрание сочинений в девяти томах (1965–1967 гг.). Лексикографическими источниками для интерпретации семантики и стилистической характеристики наименований одежды в период конца XIX – начала XX вв. являются «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (1935–1940) (ТСУ), «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук» (1891–1930) (СРЯ), «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (1880–1882) (Даль), «Словарь народного языка произведений И.А. Бунина» (Курносова 2012), а в период конца XX – начала XXI вв. – «Словарь русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (1981–1984) (МАС), «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова (1998) (БТСРЯ), «Большой академический словарь русского языка» (2004) (БАСРЯ), «Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой (2006) (СТСРЯ). При отсутствии в данных толковых словарях нужной леммы и значения мы обращались к другим источникам, трактующим историю русской одежды. В общей сложности привлекались данные различных словарей и справочников лингвистического и энциклопедического характера.

Предметом исследования являются наименования одежды, функционирующие в прозе И.А. Бунина, как тематическая группа (ТГ), взятая в историко-лингвистическом аспекте.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые на материале прозаических произведений И.А. Бунина описан и проанализирован состав и структура ТГ «Одежда» в русском языке конца XIX – начала XX вв., определены её динамические преобразования за последнее столетие, проанализированы языковые средства изобразительности, связанные с наименованиями одежды в прозе И.А. Бунина.

Целью работы является комплексное историко-лингвистическое исследование ТГ «Одежда», представленной в прозе И.А. Бунина.

Цель работы диктует выполнение ряда конкретных задач:

- 1) определить состав наименований одежды в прозе И.А. Бунина и провести их тематическую и стилистическую классификацию;
- 2) дать историко-этимологическую характеристику и описать принципы номинаций одежды, представленных в прозе И.А. Бунина;
- 3) выявить динамические процессы в ТГ «Одежда» в русском языке с конца XIX – начала XX по конец XX – начало XXI вв. на материале прозаических произведений И.А. Бунина;
- 4) проанализировать типы семантических изменений в ТГ «Одежда», представленной в прозе И.А. Бунина, в период с конца XIX – начала XX по конец XX – начало XXI вв.;
- 5) охарактеризовать особенности функционирования языковых средств, связанных с наименованиями одежды, в прозе И.А. Бунина.

Теоретико-методологической основой исследования являются работы, посвящённые проблемам языковой семантики и системной организации лексики (Ю.Д. Апресян, М. Бреаль, Р.С. Гинзбург, А.А. Кретов, Е.Н. Подтележникова, Э.В. Кузнецова, М.В. Никитин, Г. Пауль, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.А. Потебня, Б.А. Серебренников, О.Н. Трубочёв, С. Ульман, Ф.П. Филин, Д.Н. Шмелёв и др.), теории номинации (О.И. Блинова, Л.А. Телегин, В.Н. Телия), анализу языка художественного текста и языковых средств образности (В.В. Виноградов, Л.П. Крысин, Д.М. Поцепня, Д.Э. Розенталь, Н.М. Шанский и др.), анализу ТГ «Одежда» в русском языке и в художественном творчестве русских писателей (Н.М. Абиева, Е.И. Абрамов, В.И. Вардугин, Л.А. Давыденко, Г.М. Ермоленко, М.В. Калинина, Н.И. Лебедева, Г.С. Маслова, Е.П. Осипова и др.), анализу языка И.А. Бунина (А.И. Васильев, А.В. Житков, И.М. Курносова, И.А. Морозова, М.В. Одинцова, Р.И. Хашимов и др.).

Методы исследования. В работе использованы следующие методы исследования:

- 1) описательный метод;
- 2) метод комплексного анализа, включающий, семантический исторический и этимологический анализ слова в языке;
- 3) метод анализа словарных дефиниций;
- 4) метод компонентного анализа;
- 5) сравнительно-сопоставительный метод;
- 6) метод контекстологического и когнитивно-семантического анализа;

Теоретическая значимость исследования заключается в описании процессов, протекавших в ТГ «Одежда», как она представлена в прозаических произведениях И.А. Бунина, на протяжении последних 100 лет, что даёт новый материал для теоретического осмысления и обобщения лексико-семантических процессов – особенно – в их связи с такими проблемами теоретического языкознания, как «Слова и вещи», «Язык и общество».

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы в курсах современной и исторической

лексикологии, лексикографии, стилистики русского языка и лингвистического анализа художественного текста, а также в спецкурсах по языку творчества И.А. Бунина в вузе и школе.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В прозе И.А. Бунина, функционирует 390 наименований одежды, представляющих собой иерархически организованное объединение, находящееся в гипо-гиперонимических, эквонимических, синонимических и меронимических отношениях. Функциональная иерархия является определяющим видом системных отношений в исследуемой группе лексики.

2. Состав наименований одежды в прозе И.А. Бунина неоднороден в этимологическом плане. Исконно русская лексика составляет 55%, а заимствованная – 45% от общего количества лексем. Источниками заимствований стало 18 языков, большинство лексем по времени их появления в русском языке относится к более ранним эпохам (к XVIII–XIX вв.) по сравнению со временем создания произведений. Значительное количество заимствований в исследуемой ТГ объясняется особенностями творческого метода И.А. Бунина, его философско-эстетическими взглядами.

3. В ТГ «Одежда» названия одежды характеризуются высокой мотивированностью. Наиболее типичными являются следующие мотивировочные признаки: 1) субъективное отношение говорящего к одежде (79 слов – 20%); 2) действие (30 слов – 7,7%); 3) названия частей человеческого тела (28 слов – 7,2%); 4) особенности покроя (26 слов – 6,7%); 5) материал (15 слов – 3,8%); 6) функция (15 слов – 3,8%); 7) место расположения одежды по отношению к телу человека или по отношению к другой одежде (14 слов – 3,6%); 8) собственные имена (12 слов – 3%); 9) способ изготовления (10 слов – 2,5%); 10) ситуативное назначение (8 слов – 2%); 11) профессия и занятия (6 слов – 1,5%); 12) цвет (2 слова – 0,5%); 13) результат действия (2 слова – 0,5%); 14) количество одежды на теле (1 слово – 0,2%). Эффективными средствами номинации одежды в русском языке являются метонимия (16 слов – 4%) и метафора (7 слов – 2%). В процессе языкового развития около 6% из 390 наименований одежды пережили деэтимологизацию.

4. Развитие полисемии является основным процессом динамики ТГ «Одежда». Объем ТГ «Одежда» с конца XIX – начала XX вв. по конец XX – начало XXI вв. увеличился на 10%: с 498 семем до 548 семем (при 390 лексемах). За последние сто лет расширение значения зафиксировано у 4,5% всех исследуемых наименований одежды; сужение значения – у 1,8% лексем; семантические сдвиги, связанные с устареванием слов, – у 3,5% номинаций.

5. В прозаических произведениях писателя ряд наименований одежды относится к стилистически маркированной лексике (191 слово – 49% от общего количества слов), среди которой выделяются диалектные (45 слов – 12%), разговорно-просторечные (76 слов – 19%), экзотические (36 слов – 9%), устаревшие (34 слова – 9%) лексемы. Как стилистически маркированные, так и общеупотребительные номинации входят в состав фразеологизмов и тропов. Выявленные наименования одежды выполняют номинативную,

характерологическую и эстетическую функции и участвуют в формировании индивидуальных особенностей языка писателя.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре славянской филологии Воронежского государственного университета. Основные положения работы излагались на ежегодных научных сессиях филологического факультета (2017, 2018, 2019), международной научной конференции «Воронежская филологическая школа» (Воронеж 2018), третьей международной научной конференции «ФИЛКО» (Македония 2018), международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2019» (Москва 2019).

Содержание работы отражено в шести публикациях, из которых три размещены в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и словарей, списка использованной литературы и приложения, в котором собраны и расположены в алфавитном порядке наименования одежды из прозы И.А. Бунина.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновываются тема исследования, актуальность и научная новизна исследования, определяются объект, материал, цели, задачи и методы исследования, представляется обзор литературы по истории вопроса, а также положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе «Теоретические основы изучения лексики» содержится 2 раздела.

В первом разделе «Понятие лексико-семантической системы языка» даётся определение понятия значения слова, семантической структуры слова, описываются основные лексические объединения в русском языке и рассматриваются типы исторических изменений в лексике.

Вопросы, связанные с языковой семантикой и системной организацией лексики, освещаются во многих исследованиях (Ю.Д. Апресян, М. Бреаль, Р.С. Гинзбург, А.А. Кретов, Е.Н. Подтележникова, Э.В. Кузнецова, М.В. Никитин, Г. Пауль, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.А. Потеня, Б.А. Серебренников, О.Н. Трубачёв, С. Ульман, Ф.П. Филин, Д.Н. Шмелев и др.).

Слово, как известно, единица сложная, многомерная, характеризующаяся множеством отношений в лексической системе языка, которые базируются на сходстве по формальным и содержательным признакам. В семантической структуре слова имеются все его лексико-семантические варианты (ЛСВ), которые находятся в эпидигматических отношениях [Шмелев 1973, с. 19]. ЛСВ «различаются своими лексическими значениями (причём различие между этими значениями не выражается в их звуковых оболочках)» [Смирницкий 1954, с. 36].

Согласно В.В. Виноградову, «лексическое значение – предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [Виноградов 1977, с. 169]. Исходя из данного определения, лексическое значение можно выразить через связь слова с предметом действительности, который он называет, и с понятиями, которые сложились в связи с его употреблением.

Структура лексического значения включает два макрокомпонента: денотативный и коннотативный. Денотативный макрокомпонент выражает конкретные характеристики предмета, являясь основным компонентом лексического значения. Коннотативный макрокомпонент значения указывает на эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова [Стернин 1985, с. 39–42]. Лексическое значение слова предполагает единство горизонтальной и вертикальной организации его компонентов. Горизонтальную организацию отражают данные макрокомпоненты. Вертикальную организацию – микрокомпоненты, семы [Там же, с. 39]. Для практического описания структуры значения слова в коммуникативном акте важно разграничение ядра и периферии. Наиболее приемлемым для этого, на наш взгляд, является метод компонентного анализа.

Значения слов существуют не изолированно, а находятся в разнообразных и разнонаправленных связях и отношениях друг с другом. Именно эти связи и отношения, существующие между лексическими значениями, определённым образом организуют и систематизируют слова, что даёт лексике «семантическую системность» [Кретов, Подтележникова 2010, с. 42]. Следовательно, слова объединяются в различные группы. Минимальными объединениями являются омонимы, омографы, омофоны, омоформы, паронимы, синонимы, антонимы, семантический ряд. Более крупные объединения лексических единиц, строящиеся на основе парадигматических и синтагматических отношений, – тематические группы, лексико-семантические группы и лексико-семантические поля. В современных исследованиях критерии и принципы разграничения данных лексических группировок остаются спорными.

В работе мы придерживаемся точки зрения Ф.П. Филина, согласно которой под *тематическими группами* (ТГ) понимаются «объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, на классификации самих предметов и явлений» [Филин 1982, с. 231]. Учёный также отмечает, что в одну ТГ входят «более мелкие, но тесно спаянные между собой лексико-семантические группы слов» [Там же, с. 233]. «*Лексико-семантические группы слов* (ЛСГ) представляют собой объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям» [Там же, с. 230]. Исходя из этого, важно отметить, что ЛСГ состоят из слов, характеризующихся наличием общего семантического признака, а в ТГ связи между членами определяются, прежде всего, связями между самими предметами и явлениями окружающей действительности, ими обозначаемыми.

Понятие *семантическое поле* (СП) определяется таким образом: «Поле – совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [ЛЭС, с. 380]. Во взглядах учёных на определение места СП среди лексических группировок нет единства. С точки зрения Л.М. Васильева, СП и ЛСГ находятся в родо-видовых отношениях. А.А. Уфимцева выделяет в лексике 3 основные равноправные группировки – СП, ЛСГ и синонимический ряд. В работе Н.Г. Долгих СП недифференцированно обозначаются самые различные лексические группировки [Левицкий 2012, с. 264–265].

Таким образом, сложность классификации лексических объединений обусловлена терминологической путаницей, а также сложностью обеих систем связей (внутриязыковой и внешнеязыковой). В этой связи нельзя не согласиться с мнением Р.С. Гинзбурга о том, что любая классификация должна быть построена на основе одновременного анализа лингвистических и экстралингвистических характеристик слова. Их изолированное рассмотрение не представляется возможным [Гинзбург 1972, с. 14–19].

При классификации наименований одежды мы опираемся на подход, согласно которому определяем группу наименований одежды, зафиксированных в прозе И.А. Бунина, как тематическую, поскольку данное объединение базируется на экстралингвистической природе лексем. В пределах данной ТГ выявляются ЛСГ, основанные на семантической соотнесённости слов.

Как известно, лексическая система языка является наиболее чувствительной к изменениям в языке. Одним из наиболее важных процессов, влияющих на развитие словарного состава языка, является процесс изменения семантики слов. По М.В. Никитину, семантическая деривация представляет собой образование производных номинативных единиц от исходных слов без изменения формы знака [Никитин 1988, с. 39]. Она является, с одной стороны, результатом развития общества, с другой стороны – результатом функционирования слов в лексической системе языка, в результате различных изменений парадигматических и синтагматических связей слов в этой системе [Виноградов 1988, с. 4].

В семасиологии существуют различные классификации типов семантических изменений, обусловленные подходами исследователей к изучению данного явления – логическим и психологическим. Из этих двух направлений более широко распространён логический подход, предложенный Г. Паулем в работе «Принципы истории языка». По мнению учёного, семантические изменения слов зависят от логических отношений, существующих между старым и новым значениями. Он выделяет 4 типа семантической деривации: 1) сужение значения, или специализация (сужение объёма и обогащение содержания понятия); 2) расширение значения (расширение объёма, обеднения содержания представлений); 3) перенос

значения на основании смежности, ассоциативных связей или причинно-следственных отношений; 4) другие виды: гипербола, литота, эвфемизмы, пейорація, амелиорація значения и т.д. [Пауль, 1960, с. 106–124].

На основе психологического подхода к объяснению семантических изменений В. Вундт выделяет регулярные (общие) и единичные (частные). Среди регулярных изменений значения следует различать: а) ассимилятивные (ассоциации между элементами, принадлежащими к одной и той же чувственной сфере; речь идёт о метафоре); б) компликативные (восприятие разных чувственных ощущений как родственных); в) чувственные (ассоциации между вызывающими чувства объектами и субъективными состояниями, включающими эти чувства); г) ассоциативное уплотнение значения (слово, которое вступает в тесные синтаксические связи с другим словом, начинает употребляться в своём уточнённом значении даже без определяющего слова). К единичным (частным) изменениям относятся: а) наименования по частным ассоциациям; б) частный перенос наименования; в) метафорические изменения [Цит. по: В.А. Звегинцев 1957, с. 16–21].

Как справедливо полагает Р.А. Будагов, логические закономерности мышления (расширение и сужение семантики, различные случаи переноса значений и т.д.) заложены в основу общих закономерностей развития лексики всякого языка [Цит. по: В.А. Звегинцев 1957, с. 13]. Таким образом, расширение, сужение, метафора и метонимия предстают как основные типы семантических изменений, а гипербола, литота, эвфемизмы, пейорація, амелиорація значения и др. как второстепенные типы семантических изменений.

Во *втором разделе* «Исследование наименований одежды» делается обзор исследований, посвящённых наименованиям одежды.

Наименования одежды как культурно маркированная группа лексики не раз привлекала внимание исследователей, изучавших данный лексический пласт как на материале словарей, так и в аспекте функционирования в творчестве писателей.

В отечественном языкознании наименования одежды наименования одежды уже получили освещение. Ряд исследований посвящён изучению этимологии, словообразовательной структуры, способов номинации, а также особенностей семантики наименований одежды (Э.Н. Репьева, Г.М. Миронова, Т.Л. Беркович, И.И. Ильина, О.В. Жигалова, Л.Г. Кульчицкая, Е.М. Маркова, Е.В. Антошенкова и др.).

Важным аспектом лингвистических исследований является диахроническое изучение наименований одежды, особенностей данных номинаций в различные исторические периоды: древнерусский и старорусский (Э.Н. Репьева, Г.М. Миронова, Г.В. Судаков, О.В. Борхвальдт, Н.К. Соколов, С.И. Котков, Е.В. Антошенкова и др.), советский (О.В. Жигалова), современный (Я.С. Матосян).

Целью значительного количества работ, посвящённых лексике одежды, является анализ системных связей слов в пределах тематической, лексико-

семантической группы или семантического поля (М.В. Калинина, Н.В. Милова, Г.М. Ермоленко, Г.М. Полякова, Чжан Линь и др.), так и диалектов (Ю.П. Чумакова, А.С. Щербак, А.Ф. Войтенко, Т.В. Махрачёва, С.А. Кошарная, О.Н. Крылова, Е.П. Осипова, М.В. Панова и др.).

Наименования одежды также изучаются зарубежными учёными на материале английского (У. Еннинджер), немецкого (Э. Гутгеманс), польского (М. Борейшо), французского (Н.В. Попович), русского и вьетнамского языков (Фам Тхи Хонг) и др.

Ценные материалы об одежде историко-лингвистического, этнографического и культурологического характера имеются в работах таких исследователей, как П.К. Степанов, М.Н. Мерцалова, Т.Т. Коршунова Г.С. Маслова, Д.К. Зеленин, Н.Н. Соснина, И.И. Шангина, Л.В. Ефимова, В.И. Вардугин и др.

Одним из важнейших направлений в изучении наименований одежды стало исследование их функционирования в языке писателей (Н.В. Кулакова, Нгуен Бао Кхань, Е.И. Абрамова, Л.А. Давыденко, Е.В. Маркова, Ю.С. Попова, Н.М. Абиева и др.).

Наименования одежды в произведениях И.А. Бунина уже были предметом диссертационных исследований И.А. Поповой «"Язык одежды" в творчестве И.А. Бунина: характерологические и сюжетобразующие функции» (2012) и К.Н. Галай «Функции художественной детали в прозе И. Бунина и Ги де Мопассана» (2013). Обе работы посвящены анализу роли одежды как детали художественного образа в творчестве И.А. Бунина.

Несмотря на то, что наименования одежды получили всестороннее освещение в различных лингвистических ракурсах, данная группа лексики все ещё требует рассмотрения как в диахроническом аспекте, так и в плане лингвокультурологического описания и роли в создании индивидуальных особенностей языка писателя. В данной работе наименования одежды являются предметом комплексного и системного анализа в историко-лингвистическом аспекте. Особое внимание уделяется диахроническому исследованию ТГ «Одежда», представленной в прозе И.А. Бунина, с конца XIX – начала XX по конец XX – начало XXI вв., а также изучению функционирования наименований одежды как элемента языка писателя.

Вторая глава «Историко-этимологический анализ наименований одежды (на материале прозы И.А. Бунина)» включает пять разделов.

В *первом разделе* «Историко-этимологическая характеристика наименований одежды» даётся этимологический состав лексем, входящих в ТГ «Одежда» (на материале прозы И.А. Бунина), и определяются принципы наименования одежды в русском языке. Отмечено, что ТГ «Одежда» включает 390 лексических единиц. Состав наименований одежды в прозе И.А. Бунина неоднороден в этимологическом плане. Исконно русская лексика в ТГ «Одежда» представлена 215 наименованиями (55%), а заимствованная – 175 лексемами (45%). Большинство наименований одежды, использованных И.А. Буниным, относится по времени их появления в русском языке к более

ранним эпохам, преимущественно к XVIII–XIX вв. Вместе с тем появились новые наименования одежды (7 слов): *гетры, кальсоны, канотье, панама, пижама, смокинг, эспадрильи*.

Исконно русская лексика включает лексемы с русскими корнями (*белье, валенки, ворот, лапоть, передник и др.*) и производные лексемы на русской почве от заимствованных корней (*армячок, вуалька, галстучек, фуфайка, юбочка и др.*).

Источниками заимствований стало 18 языков: французский (*корсет, манто, панталоны и др.*), немецкий (*мундир, цилиндр, шапка и др.*), тюркские (*башимак, кафтан, чуйка и др.*), греческий (*гайтан, епитрахиль, камилавка и др.*), польский (*доломан, запаска, жабо и др.*), голландский (*брюки, капор, картуз и др.*), старославянский (*власяница, вретнице, одежда и др.*), английский (*макферлан, тиджак, пижама и др.*), латинский (*неплум, тога, туника и др.*), арабский (*аба, бурнус, кефийе и др.*), украинский (*плахта, шаровары*), еврейский (*лапсердак, талес*), итальянский (*зипун*), испанский (*мантилья*), шведский (*краги*), калмыцкий (*доха*), германские (*петля*) и персидский (*бурка*).

По особенностям мотивации названия одежды разделены на две группы: 1) названия одежды, образованные с помощью корневых и аффиксальных морфем и 2) названия одежды, образованные посредством метафоры и метонимии.

Анализ номинативной структуры слов, относящихся к первой группе, позволил выделить следующие наиболее типичные мотивировочные признаки, положенные в их основу:

1) материал → одежда (*власяница, камилавка, козух, портянка, чуйка и др.*) (15 слов – 3,8%);

2) часть тела → одежда (*архалук, башилык, декольте, лапоть, перчатки и др.*) (28 слов – 7,2%);

3) внешний вид → одежда (*безрукавка, куртка, опорки, плащ, треух и др.*) (26 слов – 6,7%);

4) способ изготовления → одежда (*валенки, венец, вязанка, подошва, рубаха и др.*) (10 слов – 2,5%);

5) функция → одежда (*варежка, дождевик, кашне, помочи, тога и др.*) (15 слов – 3,8%);

6) действие → одежда (*доломан, ливрея, одежда, повойник, тога и др.*) (30 слов – 7,7%);

7) место расположения одежды по отношению к телу человека или по отношению к другой одежде → одежда (*передник, подол, поддѣвка, подшальник, подштанники и др.*) (14 слов – 3,6%);

8) собственные имена → одежда (*амазонка, блуза, жилет, панама, панталоны и др.*) (12 слов – 3%);

9) субъективное отношение говорящего к одежде → одежда (*армячок, бантик, вуалька, костюмчик, шубѣнка и др.*) (79 слов – 20%);

10) профессия, занятия → одежда (*гимнастёрка, канотье, матроска, пелерина, пелеринка, фуражка*) (6 слов – 1,5%);

11) ситуация → одежда (*визитка, матине, тужурка, смокинг, шлафрок и др.*) (8 слов – 2%);

12) цвет → одежда (*белье, порфира*) (2 слова – 0,5%);

13) действие → его результат → одежда (*отрепье, рвань*) (2 слова – 0,5%);

14) количество одежды на теле → одежда (*пара*) (1 слово – 0,2%).

Во вторую группу входят наименования одежды, образованные на основе метафоры и метонимии.

Процесс метафоризации осуществляется на основе сходства одежды с определёнными предметами (*котелок, цилиндр, черепеник*) или животными (*жабо, кокошник, крылатка, рога*) (7 слов – 2%).

Метонимический перенос осуществляется на основании внешней или внутренней связи наименований одежды (16 слов – 4%)

1) название материала → одежда (*аба, армяк, порты, портки, лосины, трико, саван, шаль*);

2) название действия → одежда (*нашивка, вышивка, прошивка*);

3) название части тела → одежда (*браслет, ворот, корсаж, корсет*);

4) род одежды → вид одежды (*платье*).

В процессе языкового развития около 6% из 390 наименований одежды пережили деэтимологизацию в результате выхода из употребления соответствующего производящего слова (*варежка* от *варега*, *кольцо* от *коло*, *перстень*, *перчатка* от *перста*, *плащ* от *пласта* и др.) и семантических изменений в историческом развитии слова (напр.: слово *белье* образовано от прилагательного *белый*. Теперь для *белья* стали употреблять ткани не только белого, но и других цветов (розовое бельё, красное бельё, голубое бельё и т.д.) [КЭСРЯ, с. 42]; у слова *фуражка* было первоначальное значение – «шляпа фуражера», теперь имеет значение «мужской головной убор с жёстким околышем и козырьком» [СШ, с. 1059]; название *лосины* дано по материалу (из кожи лося) для обозначения части военной формы. В современном русском языке оно употребляется в значении «плотно облегающие штаны из эластичного материала» [БАСРЯ, IX, с. 308] и др.).

Во *втором разделе* «Состав устаревших наименований одежды» рассматривается состав устаревших наименований одежды с двух позиций: 1) с позиции эпохи создания художественных текстов; 2) с позиции современного русского языка.

С позиции эпохи создания художественных текстов конца XIX – начала XX вв. выявлено 13 архаизмов, 38 историзмов (12,3% от общего числа наименований одежды). Они отмечаются в толковых словарях конца XIX – начала XX вв. (ТСУ, СРЯ, Даль) с пометой «стар.», «устар.» и «ист.» или есть указания в самой словарной дефиниции «старин.».

Архаизмы: *башимак, башмачок* (ЛСВ1) – ботинок; *венец* (ЛСВ1) – венок; *вретнице* (ЛСВ2) – рубище; *наряд* – одежда; *одеяние* – одежда; *панталоны*,

панталончики (ЛСВ1) – брюки; *плат* – платок; *полсапожки* – полусапожки; *порты* (ЛСВ1) – платье, одежда; *риза* (ЛСВ2) – платье, одеяние; *рукавчик* (ЛСВ2) – манжета.

Историзмы: *архалук* «азиатское короткое мужское домашнее платье», *ботфорт* «род высокого кавалерийского сапога», *дипломат* «длинное пальто особого покроя», *долман* (//ЛСВ1) «род дамского широкого платья», *жулан* «род полукафтана у поляков и украинцев», *камзол* «короткая мужская одежда без рукавов» и др.

С позиции современного русского языка мы опираемся на пометы «старин.», «устар.», «ист.», «доревол.» и указания в самой словарной дефиниции, например, «в старину», «в России до 1917 г.», «в царской России» и др., в толковых словарях конца XX – начала XXI вв. (МАС, БТСРЯ, БАСРЯ, СТСРЯ). Состав устаревших слова в современном русском языке включает 14 архаизмов, 84 историзма (24,3% от общего числа).

Архаизмы: *венец* (ЛСВ1) – венок; *вретище* (ЛСВ1) – рубище; *испод* – изнанка; *кепи* (ЛСВ2) – кепка; *калоши* – галоши; *одеяние* – одежда; *панталоны*, *панталончики* (ЛСВ1) – брюки; *плат* – платок; *подоплёка* – подкладка; *порты* – штаны; *риза* (ЛСВ3) – платье, одеяние; *рукавчики* (ЛСВ2) – манжеты; *убор* (ЛСВ1) – наряд, одежда.

Историзмы: *балахон* (ЛСВ1) «крестьянская верхняя одежда свободного покроя», *бурнус* (ЛСВ2) «просторное женское пальто с широкими рукавами», *визитка* «мужская одежда в виде короткого однобортного сюртука», *гайтан* «плетённый шнурок», *дипломат* «пальто особого покроя» и др.

В современных толковых словарях многие лексемы не сопровождаются пометой «устар.», хотя они характеризуют прежний социальный домашний быт: *башлык*, *ермолка*, *канотьё*, *картуз*, *котелок*, *лорнет*, *онучи*, *порфира*, *сюртук*, *треух* и др.

В *третьем* и *четвёртом* разделах «Состав и структура ТГ «Одежда» в русском языке конца XIX – начала XX веков (по данным толковых словарей)»; «Состав и структура ТГ «Одежда» в русском языке конца XX – начала XXI веков (по данным толковых словарей)» проводится классификация единиц данной ТГ, а также анализ их семантической структуры в исследуемые периоды.

В ТГ «Одежда» выделяются различные ЛСГ, основанные на семантической соотнесённости слов. В каждую ЛСГ включаются наименования одежды, находящиеся в гиперо-гипонимических и меронимических отношениях.

Гиперо-гипонимическая парадигма состоит из 8 ЛСГ: «Общие наименования одежды», «Верхняя одежда», «Платье», «Белье», «Одежда, надеваемая на ноги», «Одежда, надеваемая на шею и плечи», «Одежда, надеваемая на голову», «Одежда, надеваемая на руки». Отметим, что одни и те же лексические единицы могут входить в различные ЛСГ в зависимости от компонента значения, выбранного в качестве основного для классификации.

Меронимическая парадигма представлена двумя ЛСГ – «Наименования украшений и аксессуаров», «Детали одежды».

В построении ТГ «Одежда», зафиксированной в прозе И.А. Бунина, мы придерживаемся положения о системообразующей функции семантических признаков. Анализ семантической структуры наименований одежды основан на выделении дифференциальных семантических признаков, отражающих функциональную иерархию: 1) конструктивные свойства (покрой, размер); 2) материал; 3) цвет; 4) привлекательность / непривлекательность; 5) цена; 6) способ изготовления; 7) способ ношения; 8) место расположения на одежде; 9) способ присоединения к одежде; 10) социальная принадлежность; 11) национальная принадлежность; 12) семейный статус; 13) профессиональная принадлежность; 14) возрастные группы; 15) пол носителя; 16) сезон; 17) территориальная принадлежность; 18) функциональное назначение.

Результаты анализа ТГ «Одежда», зафиксированной в прозе И.А. Бунина, подтверждают, что ТГ «Одежда» в конце XX – начале XXI вв. обладает иным составом, чем в конце XIX – начале XX вв. в результате динамики развития лексики на протяжении ста лет. Развитие полисемии является основным процессом динамики ТГ «Одежда». Объем ТГ «Одежда» в конце XIX – начале XX вв. составлял 498 семем, а в конце XX – XXI вв. – 548 семем (общее количество лексем – 390), т.е. увеличился на 10%. (ср.: объем ЛСГ «одежда» в I половине XIX в. составлял 182 семемы, а во II половине XX в. – 252 семемы (при общем количестве лексем – 155), т.е. увеличился почти на 1/3 (33,3%) [Кулакова 2000, с. 168-169]).

Видовые наименования одежды в составе любой ЛСГ находятся в отношениях эквонимии или в отношениях синонимии. В исследуемые периоды состав синонимических пар (рядов) в общем сохранился. В результате изменения межсловных и внутрисловных связей наблюдается трансформация некоторых синонимических пар и рядов. К примеру, в XIX – XX вв. лексема *порты* соотносима с понятием *белье* (синонимы: *кальсоны – подштанники*) и с понятием *платье* (синонимы: *портки (простор.) – штаны (разг.) – брюки – панталоны**), в XX–XXI вв. она соотносится только с понятием *платье* (синонимы: *портки (простор.) – штаны (разг.) – брюки – панталоны**). Лексемы *опорки*, *осметки* в XIX–XX вв. не являлись синонимами, в XX–XXI вв. в результате расширения значения они стали стилистическими синонимами: *опорки (разг.) – осметки (обл.)*.

В пятом разделе «Типы семантических изменений в ТГ «Одежда» анализируются семантические изменения в ТГ «Одежда», произошедшие в русском языке с конца XIX – начала XX по конец XX – начало XXI вв.

Изучение семантических процессов в ЛСГ «Одежда» в период с конца XIX – начала XX по конец XX – начало XXI вв. при помощи метода компонентного анализа позволило обнаружить 3 основных типа семантических изменений.

1. Расширение значения (у 4,5% всех исследуемых слов): расширение значения (появление новых ЛСВ) (*жилет (жилетка), кофта (кофточка), лиф, манжета, облачение, обшлаг, туника, фуфайка, чуни*); расширение значения на основе метафорического переноса (*лифчик, погончик, хитон, чулок*); расширение значения (вид → род) (*опорки, распашонки, чувяки*).

2. Сужение значения (у 1,8 всех исследуемых слов): сужение значения в результате исчезновения ЛСВ или ухода в пассивный запас (*ботики, порты, портки (порточки, портчѐнки), кальсоны*); сужение значения (род → вид) (*покрывало*).

3. Семантические сдвиги устаревших слов (у 3,5% всех исследуемых слов): увеличение семного состава, его количественная и качественная трансформация, не затрагивающая изменение объёма понятия (*шлык*); уменьшение семного состава, его количественная и качественная трансформация, не затрагивающая изменение объёма понятия (*зипун*); изменение значения слова вследствие появления новых ЛСВ при устаревании (или полной утрате) ЛСВ в семантической структуре слова (*ботфорты, жабо, лосины, трико, чепец (чепчик)*); трансформация значения вследствие перехода слова в разряд экспрессивной лексики и изменения стилистической окраски (*башимак (башимачок), лапсердак, наряд, одеяние, сбруя*).

Таким образом, историческая динамика ТГ «Одежда» проявляется в изменениях её состава, структуры и семантической структуры ряда наименований одежды.

В третьей главе «Наименования одежды как элемент языка И.А. Бунина» содержится 6 разделов.

В *первом разделе* «Диалектные наименования одежды» выявляются и анализируются особенности функционирования диалектных наименований одежды в языке И.А. Бунина.

Наиболее характерным для идиостиля И.А. Бунина является «его умение реалистически точно передавать народно-разговорный язык» [Курносова 2009, с. 16]. Его произведения насыщены диалектной лексикой, которая в основном отражает все особенности крестьянского быта: это повести «Деревня», «Суходол», рассказы «Антоновские яблоки», «Весѐлый двор» и др. В прозе писателя используются 45 диалектных наименований одежды: фонетические диалектизмы (*вендерка* – венгерка, *мохры* – махры, *обужа* – обувь, *осмѐтки* – ошмѐтки, *пинжак* – пиджак, *прозумент* – позумент); словообразовательные диалектизмы (*опоясь, подпояска* – пояс); морфологические диалектизмы (*кушачкем* – кушачком); собственно лексические диалектизмы (*балахон, баска, бахилки, вязанка, гайтан, гашник, зипун, зипунишка, испод, кожух, корсетка, малахай, мотня и др.*); этнографические диалектизмы (*занавеска, запаска, косяк, манта, панѐва (понѐва), плахта, рога*).

Ареальная характеристика позволяет сделать вывод о том, что лексемы общерусского распространения (19 слов) составляют 42,2%: *балахон, баска, бахилки, гашник, корсетка, малахай, оборки, оборочки и др.*; южнорусские

(13 слов) – 28,8%: *вендерка, вязанка, гайтан, запаска, зипун, зипунишка, косяк, манта и др.*; бытующие в южнорусском наречии и среднерусских говорах (10 слов) – 22,2%: *занавеска, кожух, мохры, обужа, осмётки, пинжак, рога, чуни, чуньки, шлык*. Полученные результаты подтверждают мысль о том, что в прозе И.А. Бунина оказывается вовлечённой лексика, известная во многих говорах, особенно в южнорусских (воронежских, курских, орловских, елецких и др.).

Номинативная функция заключается во введении в ткань художественного повествования диалектных наименований одежды, достоверно описывающих быт и манеру одеваться русских крестьян, особенно южнорусских конца XIX – начала XX вв.: *«На голове её "рога", – косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками, так что голова кажется огромной; ноги, в полусапожках с подковками, стоят тупо и крепко; безрукавка – плисовая, занавеска длинная, а понёва – черно-лиловая с полосами кирпичного цвета и обложенная на подоле широким золотым "прозументом"»* [«Антоновские яблоки», II, с. 180]. Для описания женского крестьянского костюма, распространённого в южнорусских областях, автор использовал довольно много этнографизмов (*занавеска* «передник, фартук, надеваемый при паневе», *понёва* «старинная женская юбка замужних женщин», *прозумент* «золотая, серебряная тесьма; позумент», *рога* «кичка, бабий головной убор»).

Характерологическая функция диалектных наименований одежды ярко проявляется во введении их в речь персонажей с целью раскрыть их принадлежность к определённой социально-бытовой среде. Диалектные наименования одежды чаще всего встречаются у деревенских жителей, особенно у крестьян: *«Вижу, на улице везде народ, под лозинкой в холодке сидит заседатель в майском пинжаку, с русой бородкой, на столике книги усякие, бумаги, а рядом, – Захар повёл рукой налево...»* [«Захар Воробьёв», IV, с. 38]; *«Поддёвка-то? – скромно спросил он [Дениска]. – Что ж, вот наживу в Туле денег, вендерку себе куплю», – сказал он, называя венгерку вендеркой»* [«Деревня», III, с. 56].

Анализ стилистических и ареальных изменений данных слов по отношению к современному русскому языку показал, что среди 45 диалектизмов свой областной характер сохранили 25 слов (*гашник, опоясь, осмётки, понёва, подшальник и др.*). Остальные диалектизмы утратили свою территориальную ограниченность – 20 слов, перейдя в разряд устаревших слов (*балахон, зипун, малахай и др.*), просторечных слов или разговорных слов (*вязанка, опорки, размахай и др.*) и в состав литературного языка без ограничительных помет (*кожух, плахта*).

Во втором разделе «Разговорно-просторечные наименования одежды» даются характеристика и роль разговорно-просторечных наименований одежды в языке И.А. Бунина.

Разговорно-просторечные наименования одежды включают 9 просторечных (*косынка, кофта, одёжа, подштанники, полсапожки, портки,*

порточки, портчѐнки, порты) и 67 разговорных слов (*безрукавка, дождевик, жакетка, отрепье, пальтишко, платице, рубашечка, халатик, шляпка и др.*).

Разговорно-просторечные наименования одежды способствуют точной передаче облика героев, выражению оценки автора и персонажей. В результате употребления разговорной лексики язык писателя оказывается приближен к разговорной речи.

Просторечные наименования одежды используются в прозе И.А. Бунина как средство речевой характеристики персонажей – малообразованных лиц. Так, в произведении «Птицы небесные» встречаются просторечное слово *одѣжа* и диалектное слово *обужа* в речи нищего: «*Обужа, верно, плоха, – согласился нищий. – А вот одѣжа... Нет, одѣжа ничего.*» [«Птицы небесные», II, с. 341]. Они также зафиксированы в авторском повествовании при описании внешности простых людей – героев из народа. Старик Авдей появился в образе русского мужика, который болен, равнодушен ко всему, что его окружает: «*Дует предвечерний ветер и задирает сзади его рубахи, обнажает желобок на широкой сухой спине, показывает тугой гашик, низко врезавшийся в тело. Портки Авдея висят по-стариковски – точно пустые*» [«Забота», IV, с. 83].

Разговорные наименования одежды чаще всего участвуют в выражении отношения автора к его персонажам и характеризуют взаимоотношения героев. И.А. Бунин использовал уменьшительно-ласкательные слова для описания портретов положительных персонажей и положительных оценок. Натали – главная героиня рассказа, к которой автор относится с большой симпатией: «*Вышла Натали только к вечернему чаю <...> из чего-то зелёного, цельное, очень простое и очень ловкое, особенно в перехвате на талии, туфельки черные, на высоких каблучках, – я внутренне ахнул от нового восторга*» [«Натали», VII, с. 157]; «*С неделю правила домом, всем распорядилась, ходила в белом передничке через двор в поварскую*» [Там же, с. 158].

Разговорные слова с суффиксами субъективной оценки также придают речи шуточный или грубый, иронический оттенок. В «Деревне» речь Тихона полна ироничности, когда он предложил Якову – богатому жадному крестьянину купить картузишко вместо старой дырявой шапки: «*Хоть бы картузишко-то купил себе! – кричал он с усмешкой*» [«Деревня», III, с. 27].

В составе просторечной лексики свой статус в современном русском языке сохранили лексемы *портки, порточки, портчѐнки, порты*. Другие лексемы сопровождаются пометами «разг.» и «народ.-разг.» в одном из данных словарей: *одѣжа, подитанники, полсапожки*. Просторечное значение лексемы *кофта* только зафиксировано в МАСе [МАС, II, с. 116] и отсутствует в других толковых словарях, что свидетельствует о его неактуальности в современном употреблении. Лексема *косынка* отмечена в словарях без ограничительных помет.

По отношению к современному русскому языку некоторые наименования одежды остаются разговорными (*армячок, дождевик, жакетка, картузик,*

отренье и др.). Другие наименования одежды даются с пометой «разг.» не во всех данных словарях (*безрукавка, брошка, жилетка, пелеринка, шляпка и др.*). При этом некоторые слова зафиксированы без ограничительных помет (*бархатка, бескозырка, косоворотка, крылатка*).

Третий раздел «Экзотические наименования одежды» посвящён анализу экзотических наименований одежды в языке И.А. Бунина.

В прозаических произведениях И.А. Бунина экзотические наименования одежды составили 36 слов. И.А. Бунин вводил реалии восточных народов (*аба, башлык, бурка, ермолка, кефийе и др.*) (83,4%), Украины (*жупан, плахта, свитка*) (8,3%) и других европейских стран (Испании, Польши, Франции) (*конфедератка, мантилья, эспадрильи*) (8,3%) для передачи национально-культурного и темпорального колорита: «*И странно было видеть, как тепло, несмотря на зной, были одеты мужчины: кубовая рубаха до колен, ватная куртка, а сверху аба, то есть очень длинная и тяжёлая, широкоплечая хламида из пегой шерсти, полосатой в два цвета – чёрного и белого; на голове кефийе – жёлтый с красными полосами платок, распущенный по плечам, висящий вдоль щёк и в два раза охваченный на макушке тоже пегим, двуцветным шерстяным жгутом*» [«Весной, в Иудее», VII, с. 254]; «*Прошёл чёрный от загара, пожилой хохол в тяжёлых сапогах, в бараньей шапке и толстой свитке цвета ржаного хлеба...*» [«В августе», II, с. 245].

Экзотические наименования одежды способствуют созданию образов бунинских персонажей. Так, в «Чистом понедельник» важной деталью в характеристике главной героини является шёлковый архалук – атрибут восточного быта: «*Приезжая в сумерки, я иногда заставлял её на диване только в одном шёлковом архалуке, отороченном соболем, – наследство моей астраханской бабушки, сказала она...*» [«Чистый понедельник», VII, с. 241]. По замечанию Ю.С. Поповой, «архалук героини символизирует глубинные восточные корни не столько на уровне кровного родства, сколько усиливает загадочную душу, её непостижимость» [Попова 2012, с. 89].

По отношению к современному русскому языку экзотические наименования одежды сохранили свой статус, но некоторые слова претерпели архаизацию (*лапсердак, свитка*).

В четвёртом разделе «Устаревшие наименования одежды» описываются наименования одежды, являвшиеся устаревшими в эпоху создания произведений.

В прозе И.А. Бунина наблюдается преобладание историзмов над архаизмами: 10 архаизмов (фонетические архаизмы: *полсапожки* – полусапожки; словообразовательные архаизмы: *плат* – платок, *одеяние* – одежда; лексические архаизмы: *башмак, башмачок* – ботинок, *вретище* – рубище, *наряд* – одежда; семантические архаизмы: *панталоны, панталончики* – брюки, *венец* – венок) и 24 историзма (16 лексических историзмов: *архалук, ботфорт, дипломат, жабо, жупан, камзол, кидар, кринолин, лосины, пеплум, рюш, тога, треух, хитон, чуйка, шлафрок*; 8 семантических историзмов: *рубище, салон, сандалии, сбруя, туника, хламида, шинель, шинелька*), так как

автор стремился передать колорит исторической эпохи, а также ярко охарактеризовать различные образы героев, преимущественно в сатирических целях.

Историзмы способствуют воссозданию атмосферы далёкого прошлого. С этой целью И.А. Буниным используются историзмы – наименования одежды в рассказах о древнем Востоке: *«Квадрат из огромных сиенитовых колонн <...> и галереи между ними и экзедрами всегда были полны света, тени, белых хитонов»* [«Храм солнца», III, с. 405]; *«... эти черные, курчаво-седые старики-семиты с обнажёнными бурыми грудями, в своих пегих хламидах и бедуинских платках»* [«Иудея», III, с. 360].

Историзмы – наименования одежды выступают эффективным средством характеристики персонажей. В конце «Ворона» античная древность связывается с настоящим посредством авторской ассоциации: *«На шейке у неё [Елены Николаевны] темным огнём сверкал рубиновый крестик, тонкие, но уже округлившиеся руки были обнажены, род пеплума из пунцового бархата был схвачен на левом плече рубиновым аграфом...»* [«Ворон», VII, с. 222]. Наряд бывшей гувернантки похож на пеплум – верхнюю одежду древних гречанок и римлянок, и в этом, на наш взгляд, проявляется ирония, обусловленная ненатуральностью, кукольностью черт героини.

Архаизмы – наименования одежды используются И.А. Буниным как стилистическое средство для придания речи торжественности, возвышенности. В «Жертве» перед глазами крестьянина Семена появляется настоящий «огненный ангел»: *«...белобрадый, могучный Илья в огненном одеянии, сидящий, как бог Саваоф, на мертвенно-синих клубах облаков, а над ним – две горящих по аспиду зелено-оранжевых радуги»* [«Жертва», IV, с. 79]. При описании природы несколько раз употреблялся архаизм *вретище* для усиления ощущения печали, разочарования и траура: *«Это было в час крестной смерти господа нашего Иисуса, когда само солнце облакается вретищем скорби»* [«Прекраснейшая солнца», VII, с. 276].

По отношению к современному состоянию русского языка состав устаревших наименований одежды, использованных И.А. Буниным, пополнился рядом таких слов, как *амазонка, армяк, балахон, баска, бурнус, визитка, зипун, кафтан и др.* Они современны для автора, но архаизованы в понимании носителя современного русского языка. С их помощью воссоздана картина быта русского народа конца XIX – начала XX вв., связанная с наименованиями одежды той эпохи, что отражает реалистический подход И.А. Бунина к творчеству.

В пятом разделе «Фразеологизмы, включающие наименования одежды» даются особенности фразеологизмов, включающих наименования одежды, в языке И.А. Бунина.

В своих произведениях И.А. Бунин использует 26 фразеологических оборотов разной стилистической направленности. Значительную группу (34,6%) составили диалектно-просторечные фразеологизмы (*брать (хватать) за пельки; чертям оборки вить; одного сукна с онучей и др.*). Фразеологизмы

разговорного характера – 26,9% от общего числа выявленных фразеологизмов (*держат в ежовых рукавицах; заткнуть за пояс; родиться в рубашке и др.*). К книжным фразеологизмам (4%) относится выражение *терновый венец*. Некоторые имеют пометы «устар.» и «экспресс.» (7,6%) (*стать под венец; под гребёнку (гребёночку)*). Остальные фразеологизмы зафиксированы в фразеологических словарях без ограничительных помет (26,9%) (*огненные шапки; шапка-невидимка; чем девчонка виновата, что юбочка маловата; были б денежки в кармане – будет тётушка в торгу; зачитаешься – в кармане не досчитаешься; стричь под гребёнку; снимать (снять) шапку*).

Использование И.А. Буниным поговорок и пословиц обусловлено обращением писателя к фольклору, который оказал большое влияние на его язык. Автор ввёл многочисленные фразеологизмы в речь героев, в том числе базарного вольнодумца – старика Балашкина. Через его слова И. Бунин обвинил русский народ в смерти Пушкина, Лермонтова, а также Писарева, Рылеева: *«Пушкина убили. Лермонтова убили. Писарева утопили. Рылеева удавили... А Шевченко? А Полежаев? Скажешь, – правительство виновато? Да ведь по холопу и барин, по Сеньке и шапка»* [«Деревня», III, с. 67]. Пословица *по холопу и барин, по Сеньке и шапка* звучит в конце речи как приговор народу России, связывая его прошлое и настоящее. В эту пословицу И.А. Бунин включил новый элемент – *по холопу и барин* (ср.: *по Сеньке шапка, по Ермошке колтак (кафтан)*), что подтверждает виновность как мужика, так и барина.

Во фразеологизме *в рубашке родиться* упоминается рубашка – традиционная русская одежда: *«Он ли не в рубашке родился! Деньги у него не переводились, одевался он щёголем, ухаживал на вечеринках за кокетливыми поповнами»* [«Я все молчу», IV, с. 224]. Считается, что данный фразеологизм восходит к народному поверью у славянских и других индоевропейских народов: если младенец родится в плодном пузыре, «в сорочке», у него будет счастливая жизнь [ФСРЯ, с. 363]. Сорочка – это тоже рубашка, поэтому появилось и выражение *родиться в рубашке*.

По отношению к современному состоянию русского языка большинство фразеологических единиц, включающих наименования одежды, не изменило стилистической характеристики. Изменились лишь отдельные фразеосочетания: *шапки долой!* подвергся устареванию, сопровождаясь пометой «устар.»; *заложить за воротник (галстук)* перешёл из разряда разговорных в просторечные.

В шестом разделе «Тропы, включающие наименования одежды» представлены тропы, включающие наименования одежды в языке И.А. Бунина.

Художественная изобразительность наименований одежды ярче всего проявляется в составе тропов, которые являются средством формирования стилеобразующей доминанты и выражения идейно-эстетического содержания. Тропы на основе наименований одежды представлены сравнением, метафорой, метонимией и эпитетами.

Сравнение носит конкретный, зачастую юмористический характер; оно взято из быта, окружающего предметного мира, природы. В повести «Деревня» автор описывает образ нищего и больного караульщика: *«Чохоточный Митрофан, человек небольшого роста, широкий и темнолицый, весь в мокром отрепье и опорках, сбитых и жёстких, как старое лошадиное копыто, стоял возле пекаря...»* [«Деревня», III, с. 86]. Сравнивая сбитые опорки Митрофана со старым копытом лошади, автор раскрывает трагическую судьбу крестьян того времени: их бедность, измученность тяжкой жизнью и упадок духа.

Метафора отличается оригинальностью и правдивостью: *«Мечети плечисты, полосаты, как абаи, все в огромных и пёстрых куполах-тюрбанах»* [«Свет зодиака», III, с. 349]. Лексема *купол-тюрбан* отражает «не только атрибут мусульманского храма, сравнение купола мечети с одеянием головы человека обозначает храм как главное вместилище интеллектуальной и духовной силы мусульманского Востока» [Хашимов 2011, с. 339]. Рядом с метафорой представлено сравнение «мечети плечисты и полосаты как абаи», что изображает восточные мечети, похожие на полосатые арабские плащи (абаи).

И.А. Бунин отдаёт предпочтение метонимии при характеристике массовых сцен: наименования одежды заменяют знатных представителей города (*«К собору отовсюду сходятся и съезжаются другие "ведомства", то есть опять мундиры, ордена, треуголки, жирные эполеты»* [«Жизнь Арсеньева», VI, с. 67–68]).

В сочетании с наименованиями одежды в качестве эпитетов выступают прилагательные. Они являются оценочно-описательными (*суровая рубаха, несокрушимые сапоги, блестящие картузики, ветхий галстук, дурацкие шапочки, мраморные воротнички, серебряная одежда, огненное одеяние, ледяной шинель и др.*). В «Игнате» с целью описания эмоционального состояния героев И.А. Бунин прибегнул к эпитету: *«Игнат, стоя на снегу, давно не чувствовал ног, окаменела и голова его, насквозь промёрзла, стала тонкой, ледяной шинель»* [«Игнат», IV, с. 29]. Эпитет *ледяная* (шинель) отражает мотив холода. Это не просто холод от снега, а холод в глубине души пастуха Игната из-за его неверной жены. У героя не остаётся ничего, согревающего его жизнь.

В результате анализа прозы И.А. Бунина было установлено, что в прозаических произведениях писателя ряд наименований одежды относится к стилистически маркированной лексике (191 слово – 49% от общего количества слов), среди которой выделяются диалектные (45 слов – 12%), разговорно-просторечные (76 слов – 19%), экзотические (36 слов – 9%), устаревшие (34 слова – 9%) лексемы. Как стилистически маркированные, так и общеупотребительные номинации входят в состав фразеологизмов и тропов. Наименования одежды являются важным элементом языка писателя. С одной стороны, они отражают быт и традиции русских и других народов конца XIX – начала XX вв. и создают при этом достоверные портреты представителей

социальных слоёв того времени, особенно крестьянства, дворянства и городских обывателей. С другой стороны, они характеризуют реальную языковую ситуацию и свидетельствуют о том, что для языка писателя характерны разнообразие языковых пластов, простота народно-разговорного языка, максимальная насыщенность образных деталей и символичность художественных образов. Выполняя номинативную, характерологическую и эстетическую функции, наименования одежды вместе с другими номинациями придают бунинскому словесно-художественному портрету реалистический и символический характер.

По отношению к современному русскому языку ряд наименований одежды изменил стилистическую и ареальную характеристику, поэтому при описании и осмыслении их стилистических функций необходимо ориентироваться на общеязыковые нормы, которые существовали во время создания произведения.

В Заключении содержатся общие выводы по содержанию исследования.

Приложение диссертации содержит словарь наименований одежды (конец XIX – начало XX вв. // конец XX – начало XXI вв.).

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. Фам Май Фыонг. Лексико-семантическая группа «Женская верхняя одежда» в прозе И.А. Бунина // Вестник ВГУ – Воронеж, Серия: Филология, Журналистика, 2018. – № 2. – С. 63–65.

2. Фам Май Фыонг. Типы семантических изменений в лексико-семантической группе «Одежда» (на материале прозы И.А. Бунина) // ФИЛОЛОГОС. Выпуск 1 (36). – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. – С. 68–75.

3. Фам Май Фыонг. Наименования одежды как основа тропов в художественной картине мира И.А. Бунина // Вестник ВГУ – Воронеж, Серия: Филология, Журналистика, 2018. – № 4. – С. 67–68.

Публикации в других научных изданиях:

4. Фам Май Фыонг. Устаревшие наименования одежды в произведениях И.А. Бунина // сборник статей Третьей международной научной конференции «ФИЛКО»: филология, культура, образование. – Штип, Македония, 2018. – С. 709–714.

5. Фам Май Фыонг. Приёмы перевода безэквивалентной лексики тематической группы «одежда» с русского на вьетнамский язык (на материале прозы И.А. Бунина) // Семантико-когнитивные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 9. – Воронеж, 2018. – С. 29–33.

6. Фам Май Фыонг. Особенности диалектных наименований одежды в прозе И.А. Бунина // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник научных трудов. Выпуск 34. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2018. – С. 350–357.